

**ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭТИКИ В ЭПОХУ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
(ИММАНУИЛ КАНТ, ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ)**

© 2013 А.А. Черевко

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г.Саранск

Поступила в редакцию 18.06.2013

В данной статье рассмотрены особенности судебной этики в эпоху немецкой классической философии (Иммануил Кант, Фридрих Гегель).

Ключевые слова: этика, судебная этика, судейская этика, этические требования, моральные требования, высоконравственное судопроизводство.

Иммануил Кант – немецкий ученый, философ, один из ярчайших представителей немецкой классической философии и один из создателей концепции «правового государства», раскрывавшей в том числе и этическую составляющую судебной власти.

Полагаем, основными работами Канта, в наибольшей степени затрагивающими судебную этику, являются «Основы метафизики нравственности»¹, «О мнимом праве лгать из человеколюбия»² и «Лекции по этике»³. Кант задавался вопросом: является ли единым и необходимым для всех разумных существ закон, устанавливающий определенные границы, правила поведения, запреты, который установлен самими людьми и согласно которому люди сами судят свои поступки? А если да, то какова же тогда роль судей как лиц, вершащих правосудие согласно данному закону и подчиняющихся ему? Для ответа на данный вопрос Кант предлагает «сделать шаг за пределы, а именно к метафизике, однако к той ее области, которая отлична от сферы спекулятивной философии, – к нравственности и этике»⁴.

Ложь в зале суда, будь то сфабрикованные исковые требования или лжесвидетельство, Кант трактовал как «умышленно неверные показания против другого человека, которые не нуждаются в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому»⁵, как того требовали юристы для всеобъемлющей ее квалификации. Ложь в суде или ложь в праве, по мнению Канта, делает само право непригодным к использованию, а суд – фикцией.

Даже «добродушная ложь», произошедшая по случайности, согласно гражданским законам подлежит наказанию. В свою очередь то противоправное деяние, которое в силу случайности не становится наказуемым, должно в обязатель-

Черевко Александр Андреевич, аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей историко-социологического института. E-mail: acherevko@yandex.ru

ном порядке быть рассмотрено публичным правом как правонарушение.

Чтобы проиллюстрировать данную точку зрения, Кант приводит следующий пример. Допустим, что субъект своей ложью не позволил совершиться преступлению – на вопрос убийцы: в доме ли хозяин, он ответил, что его нет. Однако, по мнению Канта, данный субъект должен понести юридическую ответственность за свою ложь, поскольку, если бы хозяин дома незаметно для лжеца вышел бы из помещения и встретился с убийцей на улице, то убийство произошло бы, как указывает Кант, по вине лжеца. Ведь если бы он сказал правду, что хозяин дома, а тот незаметно от него вышел бы на улицу, то убийца, войдя в помещение, не обнаружил бы там никого и преступление бы не состоялось. Кроме того, «если ты остался в пределах строгой истины, публичное правосудие ни к чему не может придаться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка»⁶.

Таким образом, Кант полагал, что какими бы добрыми ни были намерения у лжеца, он должен отвечать за свою ложь не только в рамках уголовного процесса, но и в гражданском судопроизводстве, компенсировав все убытки, в том числе непредвиденные, а также материальный вред, причиненный потерпевшему ложью. Правда, как указывал Кант, «есть долг, который надо рассматривать как основание всех опирающихся на договор обязанностей, и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и ни на что не годным»⁷.

Судей Кант определял как лиц, наделенных компетенцией выносить приговор и исполнять его. Таким образом, в судейской должности Кант выделял две основополагающие составляющие: полномочия квалифицировать то или иное деяние в качестве правонарушения и «возможность применить закон к составу действия, то есть должен иметь власть исполнить закон»⁸.

Суд, по мнению Канта, есть совокупность лиц, правомочных судить о действиях. Кант справедливо отмечает, что различные действия различных лиц подпадают под юрисдикцию различных судов и судей. Судья некомпетентен в случае, если он не может судить или не наделен подобной компетенцией в силу ряда причин, одной из которых является, к примеру, неподпадание действий конкретного лица под юрисдикцию данного судьи.

Термин «не может судить» раскрывается Кантом скорее не как отсутствие правомочий на осуществление правосудия, а как отсутствие соответствующих умений, знаний и навыков, несоответствие морально-этическим требованиям, предъявляемым к людям данной профессии, неспособность отличить правомочное деяние от правонарушения. Кант применяет к данной ситуации латинское словосочетание «*non competens*», подразумевая, что судья «ни одному человеку не может вернуть его право»⁹.

Кант обосновывал двойственную природу суда, подразделяя его на суд внешний – людской и суд внутренний – суд совести, или, как называл его автор, суд Божий, поскольку лишь совесть способна выставить на Божий суд наши деяния. Суд, в обеих своих ипостасях, должен принуждать виновных к наказанию, приговор его должен быть правомочным, а принуждение к следованию норме закона соотноситься с нашей совестью.

Каждый из нас, особенно это касается судей, обладает способностью судить относительно справедливости тех или иных действий, своих собственных либо действий других лиц. Данная способность, по мнению Канта, заключена в рассудке. При наличии моральных суждений и морального закона Кант выделяет третью составляющую способности рассудка – инстинкт – «непроизвольное и неодолимое влечение в нашей природе, которое принуждает нас правомочно судить о наших действиях»¹⁰. Совесть же, с точки зрения Канта, есть не способность, а инстинкт, судящий и выносящий приговор о наших действиях.

Полагаем, судья по вышеуказанным выводам, судьи, согласно Канту, должны обладать обостренным чувством совести, инстинктом, который в любых спорных ситуациях поможет принять правильное решение, основанное не только на норме закона, но и на высоких моральных, нравственных и этических идеалах.

Соответствие поведения этическим нормам не подпадает под юрисдикцию суда, поскольку нормы этики не имеют юридической силы принуждения, и, следовательно, судья не в силах заставить конкретное лицо вести себя этично.

Кант задается вопросом: стоит ли в суде внешнем (человеческом) применять суд Божий, иными словами, воззвать к совести осужденного, принудительно подвергнуть последнего Божьему суду, покаяться, признать себя виновным и достойным наказания публично? Совесть уже свершила свой суд, преступник внутренне чувствует себя виновным, однако публичное признание произведет на него еще больший эффект. Преступник думает, что в случае публичного отрицания вины он не будет осужден. Это не так. Суд Божий уже свершился внутри него, и он в любом случае подвергнется наказанию.

На основании вышеизложенного Кант полагает, что нелепо преступнику, публично отрицая вину, клясться, говоря, что если он не прав, то пусть свершится что-либо (реки потекут вспять, его убьет молния, он станет кривым и косым и так далее). Как отмечает Кант, Евангелие очень четко формулирует свою позицию по данному вопросу: «Не клянись небом – ибо ведь оно не твое, или головою твоею, с которой ты не в состоянии снять ни единого волоса»¹¹.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих – великий немецкий философ-идеалист, внесший значительный вклад в развитие судебной этики в Западной Европе.

Основными работами Гегеля, в наибольшей степени раскрывшими феномен судебной этики, являются «Феноменология духа»¹² и «Философия права»¹³. В первом из них Гегель раскрывает свое видение разделения властей на три ветви: обособленную законодательную, судебную и исполнительную власть, определяя каждую из них как «реальные сущности, которые обнаружили в реальном мире образованности»¹⁴, и уделяет отдельное внимание содержанию их всеобщего взаимодействия.

Полагаем, для дальнейшего исследования стоит подробнее остановиться на втором труде Гегеля – «Философии права», поскольку именно в данной работе автор рассматривает этические требования к отдельным участникам судебного процесса и характеризует их именно с данной стороны.

Суд, по мнению Гегеля, должен принимать во внимание любое преступление, характеризуя его со стороны субъективной воли лица, его совершившего. Также и судебное решение должно концентрироваться вокруг таких объективных понятий, как законность и противоправность в отношении действующего законодательства, а не вокруг субъективного соответствия чьему-либо разумению добра, зла или требований, предъявляемых для удовлетворения убеждений разумеющего.

Каждый субъект, по мнению Гегеля, вправе обратиться в суд, однако для этого он должен

знать норму законов, поскольку в обратном случае он не сможет воспользоваться законом. В эпоху феодализма знать не являлась в судебные заседания, считая их противоправными. Гегель отмечает, что подобное положение вещей противоречит самому понятию суда.

Право представлялось Гегелю как длительный путь разнообразных формальностей, который должны пройти обе стороны судебного разбирательства. Подобные формальности могли быть превращены во внеправовое орудие произвола и обращены против самих сторон. Следовательно, чтобы защитить само право и стороны судопроизводства от злоупотреблений, следует «вменить сторонам в обязанность, прежде чем они передадут дело в суд, попытаться прийти к соглашению»¹⁵.

Справедливость, как нечто естественное, должна быть основанием разрешения спора о праве, поскольку в большинстве случаев, по мнению Гегеля, в формальном праве она по моральным или иным соображениям отсутствует.

Суд совести, с точки зрения Гегеля, уникален тем, что он не придерживается формальностей судебного разбирательства при вынесении решения по каждому конкретному делу, не ищет объективных доказательств с целью соблюдения нормы закона. Он основывается «на интересе, присутствующем в отдельном случае, не руководствуясь необходимостью вынести всеобщее законное решение»¹⁶.

Основополагающим этическим принципом судопроизводства, обеспечивающим справедливое и правильное судебное разбирательство, Гегель считал публичность. Против данного принципа, как указывал сам автор, выступали судьи, желавшие скрыть низкий морально-этический уровень своих судебных процессов. Однако одной из составляющих силы судебной власти является доверие граждан к судебному процессу, что в свою очередь предопределяет публичность судопроизводства.

Гегель выделял две функции права: проведение расследования и диспозитивность в действиях сторон. Обе функции, по мнению автора, являются сущностью права. Вынесение же решения судьей – есть действие сугубо личного характера последнего. Судья – представитель закона, и, следовательно, как для любого органа власти, конкретное дело должно быть надлежащим образом подготовлено сторонами и преподнесено суду для объективного и беспристрастного рассмотрения и вынесения мотивированного решения.

Гегель положительно отзывался о требовании немецкого права признания лицом, совершившим преступление, своей вины, поскольку в данном требовании, по мнению Гегеля, «зак-

лючается то истинное, что этим дается удовлетворение праву субъективного самосознания, ибо то, что говорят судьи, не должно отличаться от того, что содержится в сознании»¹⁷. Следовательно, приговор не содержит объективных противоречий только в том случае, если преступник добровольно сознался в содеянном.

Однако, как справедливо отмечает Гегель, лицо может публично отрицать свою причастность к правонарушению и, следовательно, виновность в нем, что явно наносит ущерб интересам справедливости.

В случае принятия решения лишь на основе внутреннего убеждения судьи, невзирая на его высокий морально-этический уровень, и фактов, имеющихся в деле доказательств, по мнению Гегеля, решение будет слишком жестоким. Дело в том, что при данных обстоятельствах ограничивается свобода лица. Гегель полагал, что «высказывание о виновности или невиновности должно идти из души преступника, а суд должен быть судом присяжных»¹⁸.

Судья, выносящий приговор, должен быть беспристрастным, однако, как отмечает Гегель, есть и другая сторона данной монеты – судья всего лишь человек и не может всегда быть лишь бездушным орудием закона. Судья является действующим лицом судебного процесса, его мнение и точка зрения оказывают решающее влияние на принятие решения. Он присутствует в судебном заседании, руководит им, являясь лицом, наделенным особыми полномочиями, непосредственно рассматривает все доказательства по делу, заслушивает показания сторон по делу, свидетелей, в результате чего и формируется его точка зрения по данному делу. Приговор, как справедливо отмечал Гегель, «состоит из двух элементов: один из них – закон, второй – мнение, точка зрения, характер судьи, и эта вторая сторона в значительной степени существует»¹⁹.

В принципе гласности судопроизводства общественность, по мнению Гегеля, приобретает дополнительные весомые гарантии против субъективности судей, их невежества.

Привилегия судьи заключается в том, что его совесть, в отличие от иных участников процесса, имеет юридическую силу. «В отношении совести те и другие равны, но совести судьи дано право вынесения приговора»²⁰. Присяжные же, по мнению Гегеля, в еще большей степени подвержены влиянию совести, поскольку толкуют состав преступления, состоящего из чувственных элементов. Подобное толкование оказывает известное влияние на присяжных, и, как справедливо отмечает Гегель, так и должно быть, поскольку их деятельность относится к сфере

совести – «преступник не может быть судим преступниками, хотя, по существу, они ведь люди его круга»²¹.

Гегель выявил интересное противоречие в судебной деятельности. С одной стороны, интерес судьи, действующего в рамках закона и использующего его силу, совпадает с интересами сторон процесса. Однако, вынося решение в пользу одной из сторон, судья приносит материальный убыток в гражданском и наказание в уголовном процессе для другой стороны. Как отмечает Гегель, «слова судьи направлены против субъективности и, тем самым, против одной из сторон, но ведь он должен быть совершенно беспристрастным, высказывая же свое мнение в соответствии с законом, он неизбежно выступает против одной из сторон»²².

Таким образом, взгляды Канта и Гегеля на нравственно-этическую природу суда вообще и судьи в частности во многом пересекались. Оба философа рассматривали суд совести как одну из граней судебной системы – морально-этическую, нравственную составляющую судопроизводства, подчеркивая ее независимость, беспристрастность и объективность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кант И.* Сочинения. В 6-ти т. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965. С.232-278.

² *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М.: Чоро, 1994. С.256-262.

³ *Кант И.* Лекции по этике: Пер. с нем. / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. 431 с.

⁴ *Кант И.* Сочинения. В 6-ти т. Т.4. Ч.1. С.254.

⁵ *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т.8. С.259.

⁶ Там же. С.261.

⁷ Там же. С.262.

⁸ *Кант И.* Лекции по этике. С.84.

⁹ Там же. С.85.

¹⁰ Там же. С.85.

¹¹ Там же. С.86.

¹² *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

¹³ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

¹⁴ *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. С.254.

¹⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. С.259.

¹⁶ Там же. С.260.

¹⁷ Там же. С.261.

¹⁸ Там же. С.263.

¹⁹ Там же. С.446.

²⁰ Там же. С.447.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 448.

PROBLEMS OF JUDICIAL ETHICS IN EPOCH OF GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY (IMMANUEL KANT, FRIEDRICH HEGEL)

© 2013 A.A. Cherevko

Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk

The author examines the main features of judicial ethics in the German classical philosophy (Immanuel Kant, Friedrich Hegel).

Key words: ethics, judicial ethics, judge's ethics, ethical requirements, moral requirements, highly moral legal proceedings.